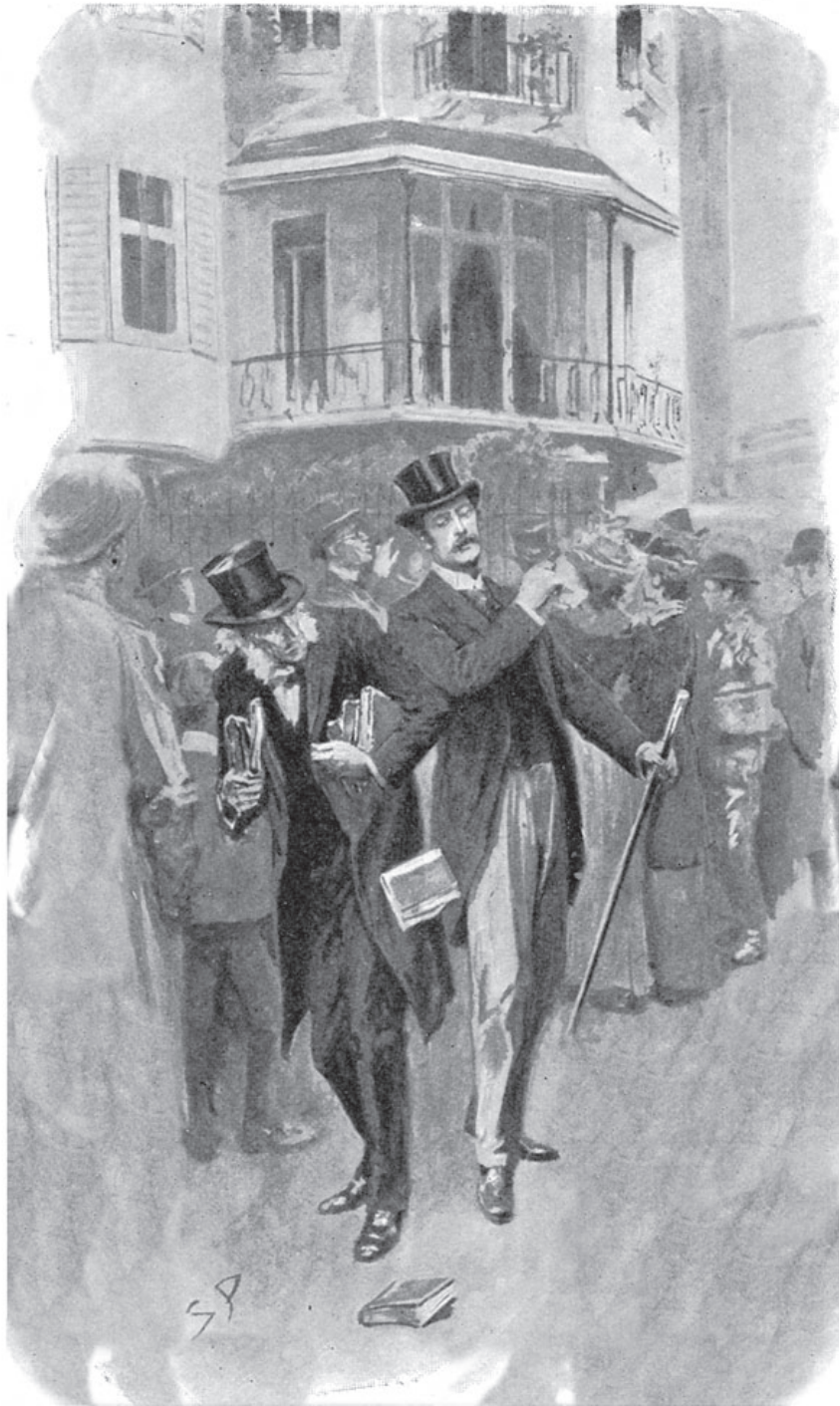

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

АРТУР КОНАНДОЙЛ

Приключения
Шерлока Холмса

104 иллюстрации
СИДНИ ПЭЙДЖЕТА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (4Вел.)
Д62

Arthur Conan Doyle
The Adventures of Sherlock Holmes

Перевод с английского

Рисунок на переплете
О. Бабкина

Дойл, Артур Конан
Д62 Приключения Шерлока Холмса. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 315 с.: ил.— (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-1965-4

Более 100 лет мир читает произведения о Шерлоке Холмсе. Слава этого героя затмила всех знаменитых персонажей мировой литературы.

Шерлок Холмс — наблюдательный, проницательный и находчивый человек. Его острый глаз замечает в окружающем мельчайшие детали, а тонкий ум легко и изобретательно связывает их воедино, приходя к неожиданным порою, но всегда правильным выводам. Шерлок Холмс — сыщик, расследование преступлений он стремится превратить в точную науку. Он хорошо знает людей, и это помогает ему распутывать самые запутанные преступления. Второй герой произведений Конан Дойла, посвященных Шерлоку Холмсу, — доктор Уотсон, неизменный спутник, а часто и помощник Шерлока Холмса. От его имени ведется повествование о тех сложных и загадочных преступлениях, выяснять причины и разыскивать виновников которых приходится Шерлоку Холмсу.

Настоящий том включает первый сборник рассказов о знаменитом сыщике «Приключения Шерлока Холмса» (1891—1892), среди которых «Пестрая лента», «Скандал в Богемии», «Союз рыжих», «Человек с рассеченной губой» и другие увлекательные и не менее известные произведения.

В настоящем издании воспроизводятся все 104 иллюстрации известного британского художника Сидни Пэйджета, выполненные им для журнала «Стрэнд».

УДК 821.161.1
ББК 84 (4Вел.)

© Перевод М. и Н. Чуковских. Наследники
© Перевод Н. Войтинской. Наследники
© Перевод В. Бабкова
© Перевод Н. Емельяниковой. Наследники
© Перевод Д. Лившиц. Наследники
© Перевод В. Штенгеля. Наследники
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1965-4

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-нибудь иначе. По его мнению, она затмевала и далеко превосходила всех представительниц своего пола. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, близкое к любви. Всякие чувства, а тем более это, были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир, но в роли влюбленного ему было бы не по себе. Он говорил о нежных чувствах не иначе как с презрительной усмешкой и с издевкой. Они были великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством срывать покровы с человеческих побуждений и поступков. Но допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изощренного мыслителя внести туда хаос, который бросил бы тень на все достижения его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительнейший прибор, или трещина в мощной линзе причинила бы меньше неприятностей такому человеку, как Холмс, нежели страсть. И тем не менее одна женщина для него все-таки существовала, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом: моя женитьба отдалила нас друг от друга. Безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится хозяином в собственном доме, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, как истый представитель богемы ненавидевший все формы светской жизни, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенный среди своих старых книг, чередуя недели увле-

чения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с бешеной энергией, присущей его неистовой натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен разгадкой преступлений. Свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности он отдавал выяснению тех тайн, от которых, признав их неразрешимыми, отказалась государственная полиция. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, как его вызвали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о весьма тонко и успешно выполненном деликатном поручении голландского королевского дома. Однако помимо этих сведений, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, мне мало что доводилось слышать о прежнем друге и товарище.

Однажды вечером — это было 20 марта 1888 года, — возвращаясь от пациента (я теперь вновь занялся частной практикой), я очутился на Бейкер-стрит. Я проходил мимо знакомой двери, которая навсегда связана в моей памяти с тем временем, когда я был влюблен, и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», и меня охватило острое желание вновь повидать Холмса, узнать, чем теперь занят его замечательный ум. Окна были ярко освещены, и я даже увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на спущенной шторе. Он стремительно шагал из угла в угол, низко опустив голову и заложив за спину руки. Я знал все привычки моего друга, и потому порывистость его движений и весь облик его говорили мне о многом. Шерлок Холмс вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и бился над какой-то новой загадкой. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

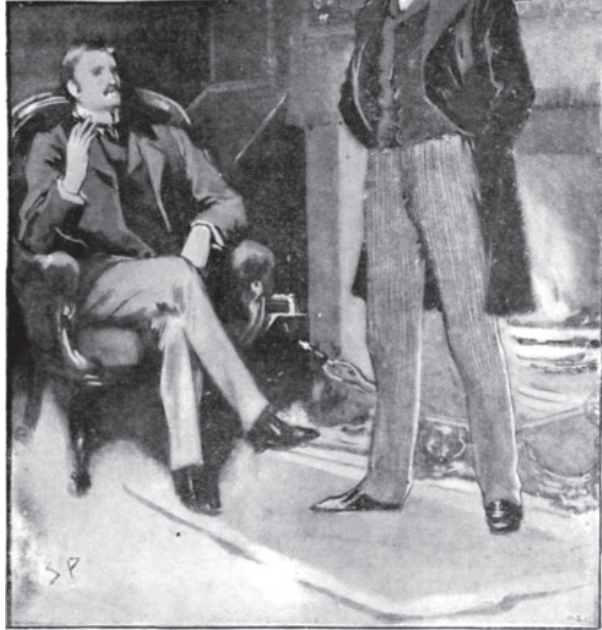
Он встретил меня без пространных излияний. Он, как всегда, был сдержан, но, по-видимому, обрадовался моему приходу. Почти без слов он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и кивнул на погребец с вином и аппарат для газирования содовой воды в углу. Затем, остановившись у камина, окинул меня своим пронизательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу, Уотсон, — заметил он. — Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как я вас видел в последний раз.

— Семь! — возразил я.

— Правда? А мне показалось, не-много больше. Чутьку больше, уверяю вас. И снова практикуете, я вижу? Вы не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда вы это знаете?

...остановившись у камина, Шерлок Холмс окинул меня своим пронизательным взглядом.

— Смотрю и делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно промокли до нитки и что ваша служанка — большая неряха?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж слишком! Несколько веков назад вас непременно сожгли бы на костре. Действительно, в четверг мне пришлось прогуляться за город, и я вернулся домой весь в грязи, но ведь я переменял костюм, и ума не приложу, что вы могли заметить. Что касается Мэри Джейн, она и в самом деле неисправима, и жена уже сделала ей предупреждение. Но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся и потер длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он. — На внутренней стороне вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, видны шесть почти па-

раллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда, как видите, я делаю двойной вывод: что вы выходили в дурную погоду и что у вас образчик прескверной лондонской прислуги. А что касается вашей практики... если ко мне в комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от ляписа, а сбоку на цилиндре шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, нужно быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного сословия.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих мыслей.

— Когда вы рассказываете, — заметил я, — все кажется до того смехотворно простым, что я и сам без труда мог бы сообразить. А между тем в каждом конкретном случае я снова оказываюсь в полнейшем недоумении, пока вы не подскажите какое-то звено в своих рассуждениях. Хотя, должен сказать, глаз у меня острый.

— Совершенно верно, — ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. — Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница. Например, сколько раз вы видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Много.

— Как много?

— Ну, несколько сот раз.

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько ступенек? Понятия не имею!

— Вот-вот, не заметили. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну а я знаю, что ступенек — семнадцать... Кстати, вы ведь, кажется, интересуетесь всякими загадками и даже были любезны описать кое-что из моих скромных опытов. Может быть, вас заинтересует эта записка?

Он кинул мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

— Получена с последней почтой, — сказал он. — Читайте вслух.

Записка была без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, к вам пойдет господин, который желает посоветоваться по очень важному делу. Услуги, которые вы оказали недавно одной из королевских фамилий Европы, доказывают, что вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о вас

*Я тщательно изучил почерк
и бумагу...*

мы отовсюду получили. Будьте дома в этот час и не считайте оскорблением, если посетитель будет в маске».

— И в самом деле загадочно, — заметил я. — Как вы думаете, что все это значит?

— У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, — значит совершать грубейшую ошибку. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты к своей теории, вместо того чтобы строить теорию на фактах. Ну а сама записка, что вы можете сказать о ней?

Я тщательно изучил почерк и бумагу, на которой была написана записка.

— Человек, который писал это, по-видимому, располагает средствами, — сказал я, пытаясь подражать приемам моего друга. — Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Она необычайно крепкая и плотная.

— Необычайно — самое подходящее слово, — заметил Холмс. — И это не английская бумага. Посмотрите на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «Е» и маленькое «g», затем «Р» и большое «G» с маленьким «t».

— Что вы можете из этого заключить? — спросил Холмс.

— Это, несомненно, имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

— Ничего подобного! Большое «G» с маленьким «t» — это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «Ко». «Р», конечно, означает «Papi-er», бумага. Расшифруем теперь «Eg». Заглянем в географический справочник Европы... — Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. — Eglow, Eglonitz... Нам нужна местность, где говорят по-немецки... Вот мы и нашли: Egría, в Богемии, недалеко от Карлсбада. Место смерти Валленштейна славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками. Ха-ха, мой друг, что из этого вытекает? — Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей папиросы большое голубое облако.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно. А писал записку немец. Вы заметили характерное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы отовсюду получили»? Француз или русский так не напишет. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает явиться в маске... А вот и он сам, если не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали стук копыт и скрип колес остановившегося у обочины экипажа. Затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

— Судя по стуку, парный экипаж... да, — продолжал он, выглянув в окно, — изящная маленькая карета и пара рысаков... по сто пятьдесят гиней. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

— Может, мне лучше уйти, Холмс?

— Нет, нет, оставайтесь, доктор! Что я стану делать без моего Босуэлла?¹ Дело обещает быть интересным. Жаль, если вы его пропустите...

— Но ваш клиент...

— Ничего, ничего. Мне может понадобится ваша помощь и ему тоже... Вот он. Садитесь в это кресло, доктор, и внимательно наблюдайте..

¹ Босуэлл, Джемс (1740—1795) — биограф английского писателя, критика и лексикографа С. Джонсона (1709—1784). Имя его стало в английском языке нарицательным для обозначения биографа, регистрирующего каждую подробность в жизни своего героя.

Медленные, тяжелые шаги, которые слышались на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Кто-то громко и внятно постучал.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел человек геркулесова сложения, не меньше шести футов и шести дюймов ростом. Одет он был роскошно, но эту роскошь в Англии сочли бы дурным вкусом. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены толстыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, подбит огненно-красным шелком и застегнут у шеи пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли впечатление какой-то варварской пышности. В руке он держал широкополую шляпу, а верхнюю часть лица закрывала черная маска, опускавшаяся ниже скул. Посетитель, очевидно, только что надел маску, потому что рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, граничащей с упрямством.

— Вы получили мою записку? — спросил он низким, хриплым голосом; в речи его слышался сильный немецкий акцент. — Я сообщал, что приеду к вам. — Он переводил взгляд с одного из нас на другого, видимо, не зная, к кому обратиться.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Холмс. — Это мой друг и коллега, доктор Уотсон, он иногда любезно помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

— Можете называть меня графом фон Крамм, богемским дворянином. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, — человек чести, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? В противном случае я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Вошел человек геркулесова сложения.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и усадил обратно в кресло.

— Нет, мы оба выслушаем вас. В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал плечами.

— Хорошо! Прежде всего я должен взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет оно никого не будет интересовать. В настоящее время, однако, можно без преувеличений сказать: эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

— Даю слово, — сказал Холмс.

— И я тоже.

— Простите, что я в маске, — продолжал странный посетитель. — Августейшее лицо, на службе которого я состою, пожелало, чтобы его доверенный остался неизвестным. Я должен признаться, что титул, который я назвал, не совсем соответствует действительности.

— Это я заметил, — сухо сказал Холмс.

— Обстоятельства весьма щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить огромный скандал, который может скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с домом Ормштейнов, наследных королей Богемии.

— Так я и думал, — пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося человека, которого ему рекомендовали как самого проникательного и энергичного сыщика в Европе. Холмс медленно приоткрыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего великана-клиента.

— Если бы ваше величество сообразовали изложить дело, мне было бы легче дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и в сильном возбуждении принялся шагать по комнате. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

— Вы правы, — воскликнул он, — я король! Зачем скрывать?

— Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мною Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследный король Богемии.

— Но вы понимаете... вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! — сказал наш посетитель, снова усевшись и

проводя рукой по высокому белому лбу. — Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его никому, не рискуя оказаться в чьей-то власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы посоветоваться с вами.

— Прошу вас, — сказал Холмс, снова закрывая глаза.

— Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Это имя вам, наверное, знакомо?

— Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, — пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он взял за правило регистрировать разные факты, касавшиеся людей и событий, так что трудно было назвать лицо или факт, о которых он не мог бы сразу дать сведения. Биографию Ирен Адлер я обнаружил между биографией еврейского раввина и биографией капитана, написавшего труд о глубоководных рыбах.

— Покажите-ка, — сказал Холмс. — Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм... Ла Скала, так-так!.. Примадонна Императорской оперы в Варшаве... Покинула сцену, ха! Прожива-

...он сорвал с лица маску...

ет в Лондоне — совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, вы попали в сети к этой молодой особе, переписывались с ней и теперь желали бы вернуть эти письма, которые могут вас скомпрометировать.

— Совершенно верно. Но каким образом...

— Вы тайно обвенчались с ней?

— Нет.

— Оставили какие-нибудь документы или свидетельства?

— Ничего.

— В таком случае я не понимаю, ваше величество. Если эта женщина захочет воспользоваться письмами для шантажа или каких-нибудь других целей, как она докажет их подлинность?

— Но мой почерк...

— Пустяки! Почерк легко подделать.

— А почтовая бумага с моим именем?

— Украдена.

— Моя личная печать...

— Снова подделка.

— Моя фотография...

— Куплена.

— Но мы сфотографированы вместе!

— О-о, вот это действительно плохо! Ваше величество допустили большую оплошность.

— Я был без ума от нее.

— Да, фотография — это серьезно.

— Тогда я был крон-принцем. Я был совсем молод. Мне и теперь только тридцать.

— Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

— Мы пытались, но нам не удалось.

— Да, придется расплачиваться. Надо купить фотографию.

— Она не желает ее продавать.

— Тогда ее надо выкрасть.

— Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли у нее весь дом. Когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды пытались заманить ее в ловушку... Никаких результатов.

— Никаких следов?

— Абсолютно никаких.

Холмс усмехнулся:

— Любопытная задачка!

— Но для меня это очень серьезно! — с упреком возразил король.

— Еще бы! А для чего ей нужна фотография?

— Чтобы погубить меня.

— Но каким образом?

— Я собираюсь жениться...

— Об этом я слышал.

— ... на Клотильде Лотман фон Саксе-Менинген, второй дочери скандинавского короля. Быть может, вам известно, что эта семья строгих правил. Сама Клотильда — воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого повела бы к разрыву.

— А Ирен Адлер?

— Она грозитя послать им фотографию. И она непременно это сделает! У нее железный характер. Да-да, лицо обаятельнейшей женщины, а душа — как у самого твердого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.

— Вы уверены, что она еще не отослала фотографию?

— Уверен.

— Почему?

— Она сказала, что пошлет фотографию в тот день, когда будет объявлено о помолвке. А это намечено на ближайший понедельник.

— О, у нас впереди целых три дня! — зевнул Холмс. — Вам повезло, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими неотложными делами. Вы, конечно, останетесь пока в Лондоне?

— Конечно. Меня можно найти в гостинице «Лэнгхэм». Я остановился под именем графа фон Крамма.

— Я дам вам знать, как подвигается дело.

— Очень прошу вас. Я так волнуюсь!

— А как насчет денег?

— Тратьте, сколько сочтете нужным.

— Без ограничений?

— Я готов отдать за эту фотографию любую провинцию моего королевства!

— А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжелый замшевый кошелек и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

— Адрес мадемуазель? — спросил он.

— Брайени-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал.

— Еще один вопрос: фотография была кабинетного формата?

— Да.

— А теперь доброй ночи, ваше величество, я надеюсь, что вы скоро услышите хорошие вести... Доброй ночи, Уотсон, — добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. — Если вы будете любезны зайти завтра в три часа, я охотно потолкую с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с твердым намерением дожидаться его во что бы то ни стало. Меня глубоко заинтересовало, как он поведет дело, ибо своеобразии случая и высокое положение клиента придавали ему необычный характер, хотя тут не было причудливости и мрачности, присущих двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Если даже оставить в стороне самое содержание расследования, которое проводил мой друг, — с каким мастерством он сразу овладел ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие наблюдать, какими быстрыми, тонкими приемами он распутывал самые непостижимые загадки. Я привык к его неизменному успеху. Мне и в голову не могло прийти, что он может потерпеть неудачу.

Около четырех часов дверь открылась, и в комнату вошел подвыпивший человек, по внешности конюх — с всклокоченными волосами и бакенбардами, с распухшей красной физиономией, в бедной, грязной одежде. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось пристальнейшим образом вглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в твидовом костюме, корректный, как всегда. Заложив руки в карманы, он вытянул ноги перед пылающим камином и несколько минут от души смеялся.

— Ну и потеха! — воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

— В чем дело?

— Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вам никогда не угадать, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

— И представить себе не могу. Полагаю, что изучали образ жизни, а быть может, и дом мисс Ирен Адлер.

— Совершенно верно, но результат довольно неожиданный. Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Знаете, существует удивительная взаимная симпатия, своего рода братство между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайе-ни-Лодж. Это изящная двухэтажная вилла, стоит она у самой улицы, позади нее сад. На садовой калитке массивный замок. В правой части дома — большая, хорошо обставленная гостиная, с высокими окнами, почти до полу, а на окнах нелепые английские задвижки, которые откроет любой ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что с крыши каретного сарая можно попасть в окно галереи. Я внимательно осмотрел дом, но больше ничего интересного не заметил. Затем я пошел по улице и в переулке за садовой оградой обнаружил, как и ожидал, извозничий двор. Я помог конюхам почистить лошадей и получил за это два пенса, стакан портера пополам с элем, две щепотки табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер и о нескольких других людях, живущих по соседству. Другие меня нисколько не интересовали, но я был вынужден выслушать их биографии.

— Что же вы узнали об Ирен Адлер? — спросил я.

— Что она вскружила голову всем мужчинам в квартале и что вообще она самый лакомый кусочек на нашей планете. Так в один голос утверждают серпентайские конюхи. Живет она тихо, выступает в

*...вошел подвыпивший человек,
по внешности конюх...*

концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает на прогулку и ровно в семь возвращается к обеду. В другое время почти всегда дома, кроме тех случаев, когда поет. Навещает ее только один мужчина, зато часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Это некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла.¹ Видите, как выгодно пользоваться доверием кучеров! Они раз двадцать возили его домой от серпентайнских конюшен и знают о нем решительно все. Выслушав их, я снова прошелся взад-вперед вблизи Брайени-Лодж, обдумывая план кампании.

Годфри Нортон, очевидно, играет важную роль во всей этой истории. Он адвокат. Это кое-что да значит. Что связывает их и зачем он часто бывает у нее? Кто она — его клиентка, друг, возлюбленная? Если клиентка, то, вероятно, отдала фотографию ему на хранение. Если же возлюбленная, — едва ли. От решения этого вопроса зависело, продолжать ли мне работу в Брайени-Лодж, или обратить внимание на контору этого джентльмена в Темпле. Это важное обстоятельство расширяло область моих изысканий... Боюсь, Уотсон, что вам наскучили подробности и сомнения, но иначе не понять ситуацию.

— Я внимательно слежу за вашим рассказом, — ответил я.

— Я все еще взвешивал в уме это дело, как вдруг к Брайени-Лодж подкатила двуколка, и из нее выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, смуглый, с орлиным носом и с усами. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. Он очень спешил. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь; чувствовалось, что здесь он — как дома.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкуя о чем-то и размахивая руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный, чем прежде. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните что есть духу! — крикнул он кучеру. — Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви Святой Моники на Эджуэр-роуд. Полги-ней, если довезете за двадцать минут!»

Двуколка понеслась, и я как раз соображал, не последовать ли мне за ней, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо. Пальто у кучера было застегнуто только наполовину, галстук торчал где-то

¹ Иннер-Темпл — одна из четырех английских юридических корпораций, готовящих адвокатов. Помещается в Темпле — здании, до 1313 года принадлежавшем ордену тамплиеров и получившем от этого свое название.

сбоку, а ремни сбруи не были вдеты в пряжки. Он подъехал к дому, и в ту же минуту Ирен выпорхнула из дверей и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очаровательная женщина, за такое личико мужчина способен отдать жизнь. «Церковь Святой Моники, Джон! — крикнула она. — Полсоверена, если доедете за двадцать минут!»

Такого случая, Уотсон, нельзя было упустить. Я колебался: бежать следом или прыгнуть на запятки, но тут, к счастью, на улице показался кеб. Кучер с сомнением оглядел неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь Святой Моники, — сказал я, — и полсоверена, если довезете за двадцать минут!» Было как раз без двадцати пяти двенадцать, и я, конечно, догадался в чем дело.

Мой кеб мчался стрелой. Я думаю, что ни разу не ехал так быстро, но, когда мы прибыли на место, двуколка и ландо со взмыленными лошадьми стояли у входа в церковь. Рассчитавшись с кучером, я взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника в облачении, который, по-видимому, в чем-то их упрекал. Все трое стояли у алтаря. Я стал бродить по боковому приделу, как будто случайно зашел в церковь. Внезапно, к моему изумлению, все трое обернулись в мою сторону, и Годфри Нортон со всех ног бросился ко мне.

«Слава богу! — вскричал он. — Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» — спросил я.

«Идемте, идемте, осталось всего три минуты! Иначе все будет незаконно».

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, не успев опомниться, я уже бормотал ответы, которые мне шептали на ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще принимал участие в бракосочетании Ирен Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все совершилось в одну минуту, и вот уже с одной стороны меня благодарит джентльмен, с другой — леди, а священник, стоящий передо мной, просто сияет. Нелепое положение, в таком я еще не оказывался! Вот подумал о нем сейчас и расхохотался. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания без свидетеля. Мое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста подарила мне соверен, и я собираюсь носить эту монету на цепочке от часов в память об этом событии.

Все совершилось в одну минуту...

— Дело приняло неожиданный оборот, — сказал я. — Что же дальше?

— Я понял, что мои планы могут сорваться. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и мне необходимо было принять самые срочные и энергичные меры. Однако в дверях церкви они расстались: он отправился в Темпл, она — к себе домой. «Я поеду в парк, как всегда, в пять часов», — сказала она, прощаясь. Больше я ничего не слышал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы заняться своим делом.

— В чем оно заключается?

— Немного холодного мяса и стакан пива, — ответил Холмс, дергая колокольчик. — Я был слишком занят, не успел поесть, а сегодня вечером хлопот будет еще больше. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

— Буду очень рад.

— Вы не будете возражать, если нам придется преступить закон?

— Ни в малейшей степени.

— И вас не пугает опасность ареста?

— Ради доброго дела я готов и на это.

— Великолепно!

— Я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу на вас положиться.

— Но что вы задумали?

— Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню... Я должен кое-что обсудить с вами, — сказал он, с аппетитом принимаясь за скромную пищу, приготовленную нашей экономкой. — Времени у нас очень мало. Сейчас около пяти часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, вернее, миссис Нортон, возвращается со своей прогулки в семь часов. К тому времени мы должны быть у Брайе-ни-Лодж, чтобы встретить ее возле дома.

— И что дальше?

— Остальное предоставьте мне. Я уже все подготовил. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось, не вмешивайтесь. Понимаете?

— Я должен сделать вид, будто я посторонний?

— Вот именно. Ничего не предпринимайте. Вероятно, возникнет какая-нибудь неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня проводят в дом. Минут через пять в гостиной откроется окно. Подойдите поближе к окну.

— Хорошо.

— Вы должны наблюдать за мною, я буду у вас на виду.

— Хорошо.

— Когда я подниму руку — вот так, вы бросите в окно то, что я вам сейчас дам, и начнете кричать: «Пожар!» Вы меня поняли?

— Вполне.

— Тут нет ничего опасного, — сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. — Это обыкновенная дымовая шашка, из тех, что употребляют паяльщики, снабженная с обоих концов капсюлями для самовоспламенения. Итак, вам предстоит сделать следующее: закричать «Пожар!», а когда ваш крик подхватят, дойти до конца улицы, а я догоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

— Я должен сделать вид, будто я посторонний, затем подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по сигналу бросить в окно этот предмет, потом поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу.

— Совершенно верно.

— Можете на меня положиться.

...простоватый священник...

— Отлично. Ну что ж, пожалуй, пора готовиться к новой роли, которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне, и через несколько минут ко мне вышел симпатичный, простоватый священник в широкополой черной шляпе, мешковатых брюках, с белым галстуком. Такую приятную улыбку и общее выражение благожелательного любопытства мог воспроизвести, пожалуй, только Джон Хэйр¹. И дело не в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, даже душа, казалось, менялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Когда он стал специалистом по криминалистике, сцена потеряла прекрасного актера, а наука — тонкого мыслителя.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и когда мы оказались на Серпентайн-авеню, до назначенного часа оставалось десять минут. Уже смеркалось, на улице зажгли фонари, и мы принялись расхаживать у Брайе-ни-Лодж, поджидая возвращения его хозяйки. Дом был точно такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но квартал, против ожидания, оказался далеко не безлюдным. На этой маленькой тихой улице было очень оживленно. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, неподалеку стоял точильщик со своим колесом, два гвардейца флиртовали с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей прохаживались взад-вперед с сигарами во рту.

— Видите ли, эта свадьба значительно упрощает дело, — заметил Холмс, пока мы вышагивали перед домом. — Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, Ирен в равной степени не хочет, чтобы фотографию видел мистер Годфри Нортон, как наш клиент не хочет, чтобы она попала на глаза его принцессе. Вопрос в том, где нам найти фотографию?

¹ Хэйр, сэр Джон — английский актер второй половины XIX века.

— Ума не приложу.

— Вряд ли Ирен держит ее при себе. Карточка кабинетного формата, и спрятать ее в платье нелегко. Кроме того, Ирен знает, что король способен устроить ей западню. Это уже пытались сделать дважды. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

— Где же тогда она ее хранит?

— У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по природе скрытны и сами хранят свои секреты. Зачем ей посвящать в тайну кого-нибудь другого? На себя она может положиться, а где гарантия, что какой-нибудь доверенный устоит перед политическим или иным влиянием? Кроме того, не забудьте, что она хотела пустить в ход фотографию в ближайшие дни. Для этого нужно иметь ее под рукой. Фотография у нее дома.

— Но взломщики два раза перерыли весь дом.

— Чепуха! Они не умеют искать.

— А как вы будете искать?

— Вообще не буду.

— А как же иначе?

— Она сама покажет, где фотография.

— Она откажется.

— Это ей не удастся. Погодите, я слышу стук колес. Это ее экипаж. Теперь в точности выполняйте мои указания.

Из-за угла показались фонари кареты, и нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайени-Лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился было открыть дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили гвардейцы, взяв сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение дама, вышедшая из экипажа, оказалась посреди разгоряченных, дерущихся людей, которые яростно тузили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы охранять даму, но, пробившись к ней, вдруг испустил крик и упал с залитым кровью лицом. Солдаты тут же бросились бежать в одну сторону, оборванцы — в другую, зато подбежали несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, чтобы защитить даму и оказать помощь раненому. Ирен Адлер — я буду по-прежнему называть ее так — взбежала по ступенькам, но на площадке обернулась; на фоне освещенной прихожей была видна ее великолепная фигура.

Холмс вдруг испустил крик и упал с залитым кровью лицом.

- Бедный джентльмен сильно ранен? — спросила она.
- Он умер, — раздались голоса.
- Нет, нет, он еще жив! — крикнул кто-то. — Но он умрет, если везти его в больницу.
- Он храбрый малый! — сказала какая-то женщина. — Если бы не он, они отобрали бы у дамы кошелек и часы. Их тут целая шайка... Смотрите, он дышит!
- Неужели оставить его на улице?.. Вы позволите перенести его в дом, сударыня?
- Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайени-Лодж и уложили в гостиной, а я принялся наблюдать за происходящим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы еще не опускали, так что я мог видеть лежащего на диване Холмса. Не знаю, почувствовал ли он угрызения совести, играя свою роль, но я ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, с такой добротой и состраданием ухаживала за раненым. И все же отступить — значит самым низким образом изменить Холмсу. Скрепя сердце я достал из-под пальто дымовую шашку. «В конце концов, — подумал я, — мы не причиним ей никакого вреда, мы только помешаем ей причинить вред другому человеку».

Холмс приподнялся на диване и стал корчиться, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась открывать окно. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату шашку и крикнул: «Пожар!» Едва это слово слетело с моих уст, как его подхватила вся толпа. Оборванцы и джентльмены, конюхи и служанки — все в один голос завопили: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, внутри, мечутся люди; минутой позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Протиснувшись сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Он шел быстрым шагом и не проронил ни слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджуэр-роуд.

— Вы это ловко проделали, доктор, — заметил Холмс. — Как нельзя лучше. Все в порядке.

— Вы добыли фотографию?

— Нет, но я знаю, где она спрятана.

— А как вы это узнали?

— Она сама мне показала, как я и предсказывал.

— Я ничего не понимаю.

— А я не собираюсь делать из этого тайны, — сказал он, смеясь. — Все очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице — мои сообщники. Я нанял их на вечер.

— Догадался.

— В руке у меня было немного красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал в плачевном виде. Старый прием.

— Это я тоже понял.

— Они вносят меня в дом. Она вынуждена согласиться — что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне — я и решил это выяснить. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха, они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

— А чего вы этим добились?

— Очень многого. Когда в доме пожар, инстинкт заставляет женщину спасти то, что ей всего дороже. Чрезвычайно сильное побуждение, я не раз извлекал из него пользу, например, в дарлингтоновском скандале и в деле с Арнсвортским замком. Замужняя женщина бросается к ребенку, незамужняя хватается шкатулку с драгоценностями. Мне было ясно, что для нашей леди нет ничего дороже фотографии. Она бросится спасти именно ее. Пожар был отлично разыгран. Дыма и крика было достаточно, тут бы и стальные нервы дрогнули. Она поступила именно так, как я ожидал. Фотография находится в тайнике, за выдвижной панелью, как раз над шнурком от звонка. Она мгновенно очутилась там и наполовину вытащила фотографию — я даже увидел краешек. Когда же я крикнул, что тревога ложная, она положила фотографию обратно, мельком взглянула на шашку и выбежала из комнаты. Больше я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось взять фотографию, но в комнату вошел кучер и стал следить за мной, так что поневоле пришлось отложить это до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

— Ну а дальше? — спросил я.

— Практически наши розыски закончены. Завтра мы вместе с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать, нанесем Ирен Адлер визит. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, она не найдет ни нас, ни фотографии. Я думаю, что его величеству будет приятно взять фотографию собственными руками.

— Когда вы намерены туда отправиться?

— В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что мы сможем действовать свободно. Кроме того, нельзя терять времени, потому что замужество может совершенно изменить ее образ жизни и планы. Я должен немедленно послать телеграмму королю.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей. Холмс шарил в карманах, ища ключ, и в эту минуту кто-то из прохожих сказал:

— Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

*Холмс шарил в карманах, ища ключ, и в эту минуту кто-то из прохожих сказал:
— Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!*

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от пробежавшего мимо стройного юноши в длинном пальто.

— Где-то я слышал этот голос, — сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу, — но никак не припомню, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

В эту ночь я ночевал на Бейкер-стрит. Утром мы сидели за кофе с гренками, когда в комнату ворвался король Богемии.

— Вы действительно добыли фотографию?! — воскликнул он, хватая Шерлока Холмса за плечи и нетерпеливо заглядывая ему в лицо.

— Нет еще.

— Но у вас есть надежда?

— Есть.

— В таком случае едем! Я сгораю от нетерпения.

— Нам нужен кеб.

— Мой экипаж у дверей.

— Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайени-Лодж.

— Ирен Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Замуж? Когда?

— Вчера.

— За кого?

— За английского адвоката по имени Нортон.

— Но она, конечно, не любит его?

— Надеюсь, что любит.

— Не понимаю.

— Потому что это избавит ваше величество от возможных неприятностей. Если эта дама любит своего мужа, — значит, она не любит ваше величество. Если она не любит ваше величество, у нее нет оснований мешать планам вашего величества.

— Верно. И все же... О, как бы я хотел, чтобы она была королевской крови! Какая бы это была королева!

Он вновь погрузился в угрюмую задумчивость и молчал, пока мы не выехали на Серпентайн-авеню.

Двери Брайени-Лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с усмешкой наблюдала, как мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс? — спросила она.

— Да, я Шерлок Холмс, — ответил мой друг, окинув ее вопрошающим и удивленным взглядом.

— Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром в пять часов пятнадцать минут она уехала со своим мужем с вокзала Чаринг-Кросс. Она едет на континент.

— Что?! — Шерлок Холмс отшатнулся, побледнев от огорчения и неожиданности. — Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

— Навсегда.

— А бумаги? — хрипло спросил король. — Неужели все погибло?

— Посмотрим! — Холмс прошел мимо служанки и поспешил в гостиную.

Мы с королем следовали за ним. Мебель в комнате была в полнейшем беспорядке — пустые полки, раскрытые ящики, — видно, хозяйка второпях рылась в них перед отъездом.

Холмс бросился к звонку, отодвинул маленькую выдвижную панель и, засунув в тайник руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирен Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу, эсквайру».

Мой друг разорвал конверт, и мы принялись читать письмо, датированное минувшей ночью:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, вы действительно великолепно все это разыграли и обвели меня вокруг пальца. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, что сама себя выдала, я задумалась. Должна признаться, еще несколько месяцев назад меня предупредили, что король обратится к вам, если решит пригласить сыщика. Мне дали ваш адрес. И все же вы застали меня врасплох и узнали все, что хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, как я могла подумать, что вы явитесь в облике милого старого священника? Но вы знаете, я сама была актрисой и привыкла носить мужской костюм. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Так вот, я приказала кучеру Джону следить за вами, а сама побежала наверх, надела костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз как раз в тот момент, когда вы уходили.

Я следовала за вами до вашего дома и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала вам доброй ночи и поехала в Темпл к мужу.

Мы с ним решили, что, если нас преследует такой сильный противник, лучшее спасение — бегство. Поэтому явившись завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то ваш клиент может быть спокоен: я люблю и любима человеком благороднее его. Король может поступать как ему угодно, без помехи со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраню фотографию только ради своей безопасности, чтобы иметь оружие, которое защитит меня от возможных притязаний короля. Я оставляю взамен другую фотографию, которую ему, быть может, приятно будет сохранить, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданной вам Ирен Нортон, урожденной Адлер».

— У вашего величества есть нечто более ценное для меня, — сказал Холмс.

— Что за женщина, что за женщина! — воскликнул король Богемии, когда мы прочитали это послание. — Разве я не говорил, как она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Как жаль, что она не ровня мне.

— Насколько я успел узнать эту даму, мне кажется, она действительно не ровня вашему величеству, — холодно заметил Холмс. — Я сожалею, что не смог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

— Напротив, милостивый государь! — воскликнул король. — Большой удачи трудно было ожидать. Я знаю, что ее слово нерушимо. Мне теперь ничто не грозит, фотография словно бы сгорела.

— Я рад слышать это.

— Я бесконечно обязан вам. Как мне вознаградить вас? Может быть, это кольцо...

Он снял с пальца изумрудное кольцо и протянул его на ладони Холмсу.

— У вашего величества есть нечто более ценное для меня, — сказал Холмс.

— Вам стоит только назвать...

— Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

— Фотография Ирен?! — воскликнул он. — Разумеется, если вам угодно.

— Благодарю, ваше величество. В таком случае с этим делом покончено. Честь имею пожелать вам всего наилучшего.

Холмс поклонился и, не замечая протянутой ему руки, вместе со мною отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился скандал и как изобретательные планы мистера Шерлока Холмса были расстроены женской проницательностью. Холмс вечно подтрунивал над женским умом, но за последнее время я не слышал его шуток на этот счет. И когда он вдруг заговаривает об Ирен Адлер или о ее фотографии, то неизменно произносит почетный титул: «Та Женщина».

О ХУДОЖНИКЕ ЭТОЙ КНИГИ: СИДНИ ЭДУАРД ПЭЙДЖЕТ

Сидни Эдуард Пэйджет родился в 1860 году и был пятым ребенком в семье. Подобно братьям Генри и Уолтеру, он избрал в жизни художественную стезю и вслед за ними окончил Королевскую Академию Искусств в Лондоне.

Имя Сидни Пэйджета неразрывно связано с образом Шерлока Холмса. Иллюстратором детективных произведений Артура Конан Дойла сделал художника случай. Нерадивый издательский клерк, поленившись уточнить имена, направил ему предложение оформить первую полудюжину рассказов о великом сыщике, хотя изначально этот заказ предназначался его младшему брату Уолтеру, куда более известному живописцу и графику. Успев по-

работать к тому времени в ряде журналов и других изданий и приобретя некоторую известность в качестве иллюстратора серии детективных рассказов Артура Моррисона о следователе Мартине Хьюитте, Сидни ничего не заподозрил и немедленно дал согласие. В начале сотрудничества будущий сэр Артур сетовал, что его герой вовсе не задумывался таким красавцем, как на рисунках. По одной из версий, моделью художнику послужил младший брат, действительно весьма симпатичный мужчина. Оба это упорно отрицали, но известны случаи, когда Уолтера узнавали дети на улице и называли дядей Шерлоком. Зато точно известно, что доктор Уотсон был точной копией археолога Альфреда Батлера, друга Сидни со студенческих времен.

Тандем Конан Дойла с Пэйджетом получился на редкость удачным. С 1891-го по 1904-й художник проиллюстрировал почти четыре десятка рассказов и повесть «Собака Баскервильей», создав в общей сложности 356 рисунков. Среди множества других иллюстраторов «холмсианы» Сидни Пэйджет по праву занимает первое место. Примечательно, что у него получилось добавить к привычному и узнаваемому облику детектива некоторые существенные штрихи, не упомянутые ни в одном из текстов. В частности, знаменитую охотничью шляпу и не менее знаменитое клетчатое шотландское кепи. Умер художник в 1908 году на пороге пятидесятилетнего рубежа.

СОДЕРЖАНИЕ

Скандал в Богемии. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	5
Союз рыжих. <i>Перевод М. и Н. Чуковских.</i>	32
Установление личности. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	59
Тайна Боскомской долины. <i>Перевод В. Бабкова</i>	79
Пять апельсиновых зернышек. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	108
Человек с рассеченной губой. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	128
Голубой карбункул. <i>Перевод М. Чуковской.</i>	156
Пестрая лента. <i>Перевод М. Чуковской</i>	179
Палец инженера. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	208
Знатный холостяк. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	232
Берилловая диадема. <i>Перевод В. Штенгеля</i>	259
«Медные буки». <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	286
О художнике этой книги: <i>Сидни Эдуард Пэйджсет</i>	314